

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

Песня о Буревестнике

Стихотворения
и воспоминания

МОСКВА
2024

УДК 821.161-1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Г71

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Горький, Максим.

Г71 Песня о Буревестнике : стихотворения и воспоминания / Максим Горький. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

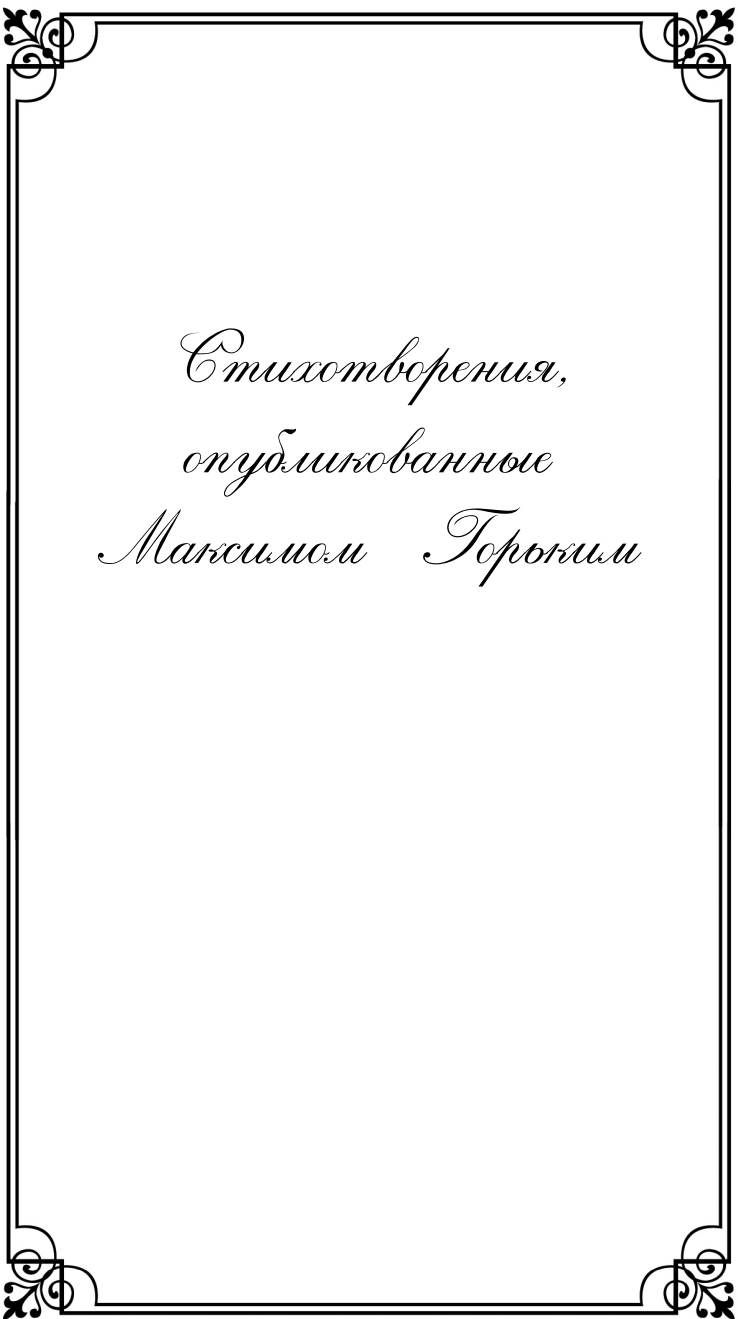
ISBN 978-5-04-199345-0

«Песня о Буревестнике. Стихотворения и воспоминания» — это великолепная возможность встретиться с гением русской литературы, чьи строки звучат как пророческий голос души. Максим Горький не только писатель, но и поэт, чьи стихотворения пронизаны искренностью, силой и эмоциональной глубиной. Его произведения, написанные в разные периоды жизни, отражают его размышления о любви, справедливости и человеческой судьбе. В этой книге вы также найдете редкие воспоминания, которые погружают во внутренний мир и творческий путь самого писателя.

УДК 821.161-1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-199345-0

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

*Стихотворения,
опубликованные
Максимилианом Горьким*

ДЕВУШКА И СМЕРТЬ

Сказка

1

По деревне ехал царь с войны.
Едет — черной злобой сердце точит.
Слышит — за кустами бузины
    Девушка хохочет.
Грозно брови рыжие нахмуря,
Царь ударил шпорами коня,
Налетел на Девушку, как буря,
И кричит, доспехами звеня:
«Ты чего, — кричит он зло и грубо, —
Ты чего, девчонка, скалишь зубы?
Одержал враг надо мной победу,
Вся моя дружина перебита,
В плен попала половина свиты,
Я домой, за новой ратью еду,
Я — твой царь, я в горе и обиде, —
Каково мне глупый смех твой видеть?»
Кофточку оправя на груди,
Девушка ответила царю:
«Отойди, — я с милым говорю!
Батюшка, ты лучше отойди».
Любишь, так уж тут не до царей, —
Некогда беседовать с царями!
Иногда любовь горит скорей
Тонкой свечки в жарком божьем храме.

Царь затрясся весь от дикой злости,
Приказал своей покорной свите:
«Нуте-ко, в тюрьму девчонку бросьте,
Или, лучше, — сразу удавите!»
Исказив угодливые рожи,
Бросились к девице, словно черти,
Конюхи царицы и вельможи, —
Предали Деву в руки Смерти.

2

Смерть всегда злым демонам покорна,
Но в тот день она была не в духе, —
Ведь весной любви и жизни зерна
Набухают даже в ней, старухе.
Скучно век возиться с тухлым мясом,
Истреблять в нем разные болезни;
Скучно мерять время смертным часом —
Хочется пожить побесполезней.
Все пред неизбежной с нею встречей
Ощущают только страх нелепый,
Надоел ей ужас человеческий,
Надоели похороны, склепы.
Занята неблагодарным делом
На земле и грязной, и недужной,
Делает она его умело, —
Люди же считают Смерть ненужной.
Ну, конечно, ей обидно это,
Злит ее людское наше стадо,
И, озлясь, сживает Смерть со света
Иногда не тех, кого бы надо.
Полюбить бы Сатану ей, что ли,
Подышать бы вволю адским зноем,
Зарыдать бы от любовной боли
Вместе с огнекудрым Сатаню!

Девушка стоит пред Смертью, смело
 Грозного удара ожидая.
 Смерть бормочет — жертву пожалела:
 «Ишь ты ведь, какая молодая!
 Что ты нагрубилa там царю?
 Я тебя за это уморю!»
 — «Не сердись, — ответила Девушка, —
 За что на меня тебе сердиться?
 Целовал меня впервые милый
 Под кустом зеленой бузины, —
 До царя ли мне в ту пору было?
 Ну, а царь — на грех — бежит с войны.
 Я и говорю ему, царю,
 Отойди, мол, батюшка, отсюда!
 Хорошо, как будто, говорю,
 А — гляди-ко, вышло-то как худо!
 Что ж?! От Смерти некуда деваться,
 Видно, я умру, не долюбя.
 Смертушка! Душой прошу тебя —
 Дай ты мне еще поцеловаться!»
 Странны были Смерти речи эти, —
 Смерть об этом никогда не просят!
 Думает: «Чем буду жить на свете,
 Если люди целоваться бросят?»
 И, на вешнем солнце кости грея,
 Смерть сказала, подманив змею:
 «Ну, ступай, целуйся, да — скорее!
 Ночь — твоя, а на заре — убью!»
 И на камень села, — ожидает,
 А змея ей жалом косу лижет.
 Девушка от счастья рыдает,
 Смерть ворчит: «Иди скорей, иди же!»

Вешним солнцем ласково согрета,
 Смерть разула стоптанные лапти,
 Прилегла на камень и — уснула.
 Нехороший сон приснился Смерти!
 Будто бы ее родитель, Каин,
 С правнуком своим, Искарриотом,
 Дряхленькие оба, лезут в гору —
 Точно две змеи ползут тихонько.
 «Господи!» — угрюмо стонет Каин,
 Глядя в небо тусклыми глазами,
 «Господи!» — взывает злой Иуда,
 От земли очей не поднимая.
 Над горою, в облаке румянном
 Возлежит господь — читает книгу:
 Звездами написана та книга,
 Млечный Путь — один ее листочек!
 На верху горы стоит архангел,
 Снопик молний в белой ручке держит.
 Говорит он путникам сурово:
 «Прочь идите! Вас господь не примет!»
 — «Михаиле! — жалуется Каин, —
 Знаю я — велик мой грех пред миром!
 Я родил убийцу светлой Жизни,
 Я отец проклятой, подлой Смерти!»
 — «Михаиле! — говорит Иуда, —
 Знаю, что я Каина грешнее,
 Потому что предал подлой Смерти
 Светлое, как солнце, божье сердце!»
 И зывают оба они в голос:
 «Михаиле! Пусть господь хоть слово
 Скажет нам, хоть только пожалеет —
 Ведь прощенья мы уже не молим!»

Тихо отвечает им архангел:
«Трижды говорил ему я это,
Дважды ничего он не сказал мне,
В третий раз, качнув главою, молвил:
“Знай, — доколе Смерть живое губит,
Каину с Иудой нет прощенья.
Пусть их тот простит, чья сила может
Побороть навеки силу Смерти”».
Тут Братоубийца и Предатель
Горестно завывли, зарыдали
И, обнявшись, оба покатались
В смрадное болото под горою.
А в болоте бесятся, ликуя,
Упыри, кикиморы и черти.
И плюют на Каина с Иудой
Синими болотными огнями.

5

Смерть проснулась около полудня,
Смотрит — а Девица не пришла!
Смерть бормочет сонно: «Ишь ты, блудня!
Видно, ночь-то коротка была!»
Сорвала подсолнух за плетнем,
Нюхает, любитесь, как солнце
Золотит живым своим огнем
Лист осины в желтые червонцы.
И, на солнце глядя, вдруг запела
Тихо и гнусаво, как умела:

«Беспощадною рукой
Люди ближнего убьют
И хоронят. И поют:
“Со святыми упокой!”»

Не пойму я ничего!
Деспот бьет людей и гонит,
А издохнет — и его
С той же песенкой хоронят!

Честный помер или вор —
С одинаковой тоской
Распевает грустный хор:
“Со святыми упокой!”

Дурака, скота иль хама
Я убью моей рукой,
Но для всех поют упрямо:
“Со святыми упокой!”»

6

Спела песню — начинает злиться:
Уж прошло гораздо больше суток,
А — не возвращается Девица,
Это — плохо. Смерти — не до шуток.
Становясь всё злее и жесточе,
Смерть обула лапти и онучи
И, едва дождавшись лунной ночи,
В путь идет, грозней осенней тучи.
Час прошла и видит: в перелеске,
Под росистой молодой орешней,
На траве атласной, в лунном блеске
Девушка сидит богиней вешней.
Как земля гола весною ранней,
Грудь ее обнажена бесстыдно,
И на коже шелковистой, ланьей,
Звезды поцелуев ярко видны.
Два соска, как звезды, красят грудь,

И — как звезды — кротко смотрят очи
В небеса, на светлый Млечный Путь,
На тропу синеволосой ночи.
Под глазами голубые тени,
Точно рана — губы влажно алы.
Положив ей голову в колени,
Дремлет парень, как олень усталый.
Смерть глядит, и тихо пламя гнева
Гаснет в ее черепе пустом.
«Ты чего же это, словно Ева,
Спряталась от бога за кустом?»
Точно небом — лунно-звездным телом
Милого от Смерти заслоня,
Отвечает ей Девушка смело:
«Погоди-ко, не ругай меня!
Не шуми, не испугай беднягу,
Острою косою не звени!
Я сейчас приду, в могилу лягу,
А его — подольше сохрани!
Виновата, не пришла я к сроку,
Думала — до Смерти недалеко,
Дай еще парнишку обниму:
Больно хорошо со мной ему!
Да и он — хорош! Ты погляди,
Вон какие он оставил знаки
На щеках моих и на груди,
Вишь, цветут, как огненные маки!»
Смерть, стыдась, тихонько засмеялась:
«Да, ты будто с солнцем целовалась,
Но — ведь у меня ты не одна —
Тысячи я убивать должна!
Я ведь честно времени служу,
Дела — много, а уж я — стара,
Каждую минутой дорожу,

Собирайся, Девушка, пора!»

Девушка — свое:

«Обнимет милый.

Ни земли, ни неба больше нет.

И душа полна нездешней силой,

И горит в душе нездешний свет.

Нету больше страха пред Судьбой,

И ни бога, ни людей не надо!

Как дитя — собою радость рада,

И любовь любит себя собой!»

Смерть молчит задумчиво и строго,

Видит — не прервать ей этой песни!

Краше солнца — нету в мире бога,

Нет огня — огня любви чудесней!

7

Смерть молчит, а Девушкины речи

Зависти огнем ей кости плавят,

В жар и холод властно ее мечут;

Что же сердце Смерти миру явит?

Смерть не мать, но — женщина, и в ней

Сердце тоже разума сильней;

В темном сердце Смерти есть ростки

Жалости, и гнева, и тоски.

Тем, кого она полюбит крепко,

Кто ужален в душу злой тоскою,

Как она любовно ночью шепчет

О великой радости покоя!

«Что ж, — сказала Смерть, — пусть будет чудо!

Разрешаю я тебе — живи!

Только я с тобою рядом буду,

Вечно буду около Любви!»

С той поры Любовь и Смерть, как сестры,

Ходят неразлучно до сего дня,
За Любовью Смерть с косою острой
Тащится повсюду, точно сводня.
Ходит, околдована сестрою,
И везде — на свадьбе и на тризне —
Неустанно, неуклонно строит
Радости Любви и счастье Жизни.

1892

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

1

Высоко в горы вполз Уж и лег там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море.

Высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень...

А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился на встречу морю, гремя камнями...

Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердито воя.

Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бессильном гневе о твердый камень...

Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты...

Подполз он ближе к разбитой птице, и прошипел он ей прямо в очи:

— Что, умираешь?

— Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх ты, бедняга!

— Ну что же — небо? — пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!

Так Уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.

И так подумал: «Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, все прахом будет...»

Но Сокол смелый вдруг встрепенулся, привстал немного и по ущелью повел очами...

Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущелье темном и пахло гнилью.

И крикнул Сокол с тоской и болью, собрав все силы:

— О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!.. О, счастье битвы!..

А Уж подумал: «Должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стонет!..»

И предложил он свободной птице: «А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся. Быть может, крылья тебя поднимут и проживешь ты еще немного в твоей стихии».

И дрогнул Сокол и, гордо крикнув, пошел к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

И подошел он, расправил крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул очами и — вниз скатился.

И сам, как камень, скользя по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

Волна потока его схватила и, кровь омывши, одела в пену, умчала в море.

А волны моря с печальным ревом о камень бились... И труп птицы не видно было в морском пространстве...

2

В ущелье лежа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу.

И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

— А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полетам в небо? Что им там ясно? А я ведь мог бы узнать все это, взлетевши в небо хоть ненадолго.

Сказал и — сделал. В кольцо свернувшись, он прынул в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

Рожденный ползать — летать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убили, а рассмеялся...

— Так вот в чем прелесть полетов в небо! Она — в паденье!.. Смешные птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укоры? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою негодность для дела жизни? Смешные птицы!.. Но не обманут теперь уж больше меня их речи! Я сам все знаю! Я — видел небо... Взлетал в него я, его измерил, познал паденье, но не разбился, а только крепче в себя я верю. Пусть те, что землю любить не могут, живут обманом. Я знаю правду. И их призывам я не поверю. Земли творенье — землей живу я.

И он свернулся в клубок на камне, гордясь собою.

Блестело море, все в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

В их львином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

«Безумству храбрых поем мы славу!

Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячее, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жадной свободой, светом!

Пусть ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поем мы песню!..»

ПРОЩАЙ!

Прощай! Я поднял паруса
И встал со вздохом у руля,
И резвых чаек голоса
Да белой пены полоса —
Всё, чем прощается земля
Со мной... Прощай!
Мне даль пути грозит бедой,
И червь тоски мне сердце гложет,
И машет гривой вал седой...
Но — море всей своей водой
Тебя из сердца смыть не может!..

О нет!.. Прощай!

Не замедляй последний час,
Который я с тобой вдвоем
Переживал уже не раз!
Нет, больше он не сблизит нас,
Напрасно мы чего-то ждем...

Прощай!

Зачем тебя я одевал
Роскошной мантией мечты?
Любя тебя, я признавал,
Что я себе красиво лгал
И что мечта моя — не ты!

Зачем? Прощай!

Любовь — всегда немножко ложь,
И правда вечно в ссоре с ней;

Любви достойных долго ждешь,
А их всё нет... И создаешь
Из мяса в тряпках — нежных фей...

Прощай!

Прощай! Я поднял паруса
И встал со вздохом у руля,
И резвых чаек голоса
Да белой пены полоса —
Всё, чем прощается земля
Со мной... Прощай!

1895